

ФИГУРА Л. Н. ТОЛСТОГО В РЕЦЕПЦИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ТОЛСТОЙ ПРОТИВ ДОСТОЕВСКОГО

К. А. Нагина, Н. В. Коратаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 июля 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Предмет исследования — концептуальный подход автора книги к фигуре и биографии Л. Н. Толстого, принципы и способы изображения жизненного пути великого писателя, с которым Мережковский был лично знаком. Сопоставление бытийных ценностей и жизненных путей Л. Толстого и Ф. Достоевского, включение фигуры Л. Толстого во всемирно-исторический контекст, отождествление Л. Толстого с его героями являются теми особенностями, которые отличают концепцию Мережковского в раскрытии биографии писателя.

Ключевые слова: Л. Толстой, биография, Д. Мережковский, «Л. Толстой и Достоевский».

Abstract: the article discusses the book by D. S. Merezhkovsky "L. Tolstoy and Dostoevsky". The subject of the research is the conceptual approach of the author of the book to the figure and biography of L. N. Tolstoy, the principles and methods of depicting the life of the great writer, with whom Merezhkovsky was personally acquainted. Comparison of life values and life paths of L. Tolstoy and F. Dostoevsky, inclusion of the figure of L. Tolstoy in the world-historical context, identification of L. Tolstoy with his heroes are the features that distinguish Merezhkovsky's concept in the disclosure of the writer's biography.

Keywords: L. Tolstoy, biography, D. Merezhkovsky, "L. Tolstoy and Dostoevsky".

Книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» в строгом смысле слова не относится к биографиям, но является тем произведением, которое не может обойти своим вниманием исследователь, занимающийся биографическими описаниями жизни Льва Толстого. Впервые она была опубликована в 1900 году, когда еще до смерти Толстого оставалось целое десятилетие, а после смерти Достоевского уже прошло почти двадцать лет. Так, жизнь одного героя книги уже была завершена и сама воспринималась как захватывающая воображение почти художественная история, вполне сопоставимая с остросюжетными книгами самого Достоевского, а в жизни второго героя начиналось последнее десятилетие, которое будет ознаменовано новыми шедеврами и венчающим жизненный путь уходом из Ясной Поляны. Обратиться к книге Мережковского в рамках изучения биографии Толстого позволяет и тот факт, что первая часть книги озаглавлена «Жизнь Л. Толстого и Достоевского».

Некоторые биографы Л. Н. Толстого настолько корректны, что намеренно скрываются в тени фигуры героя, стараясь осветить его личность и жизненный путь как можно более объективно. Это можно сказать о П. И. Бирюкове, авторе академической биографии писателя, который во всем следует за своим героем, любезно предоставившим ему и собствен-

ный взгляд на этапы своего жизненного пути. Иногда в глаза бросается несопоставимость масштабов личностей героя биографии и ее автора, попросту не способного перенестись в то измерение, в котором пребывает великий человек. Подобное мы можем наблюдать в биографии Толстого, написанной А. Сейрон. В случае Мережковского ситуация особая. Здесь автор подходит к своему герою-современнику с особой меркой. Он в должной мере осознает его величие, однако встраивает его в ту систему оценок, которая отвечает его собственным религиозно-философским построениям. Местами возникает ощущение, что автор выступает на равных со своим героем.

Это утверждение требует обращения к фигуре Мережковского — писателя, литературного критика, переводчика, историка, религиозного философа, общественного деятеля конца 19 — начала 20 веков. По словам Г. Адамовича, «человек он был удивительный, совершенно не похожий на других людей, внутренне обособленный, странный до крайности, — чем, конечно, и было вызвано его одиночество», «до старости он пронес, может быть, сберег от «декадентства», которое оттого-то и пришлось ему по вкусу, — брезгливость к оплотнению, к «ожирению» души, инстинктивную враждебность к грубоватой житейской беззаботности, острый слух ко всему тому, что расплывчато, в ницшевском смысле слова можно назвать музыкой» [1].

Одним из важнейших обстоятельств в построении жизни героя биографии является личное знакомство с ним автора. Мережковский был лично знаком и с Толстым, и с Достоевским. В тринадцатилетнем возрасте, написав свои первые стихи, юноша увлекся творчеством Мольера и организовал кружок. Отец начинающего писателя, увидев талант сына, познакомил его с княгиней Воронцовой, а позже, в 1880 году, — с Федором Достоевским. В этом же году состоялся литературный дебют Мережковского: в журнале «Живописное обозрение» появились его стихи.

Знакомство с Толстым произошло много позже. К этому моменту Мережковский уже получил известность благодаря своему поэтическому творчеству, роману «Смерть богов. Юлиан Отступник», первой части трилогии «Христос и Антихрист», историческим эссе, новеллам.

Летом 1904 года Мережковский вместе с женой З. Гиппиус посетил Ясную Поляну, где Л. Н. Толстой принял их «очень ласково». В «Автобиографической заметке» Мережковский описывает эту встречу и цитирует графа: «А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так...» После встречи автор книги «Л. Толстой и Достоевский» отмечает, что «тогда уже смутно чувствовал», что «был не совсем справедлив к нему и что, несмотря на глубочайшие умственные расхождения, Толстой мне все-таки ближе, роднее Достоевского» [2].

Книга Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» — монография, часто называемая литературно-критическим эссе. В нем сопоставляется творчество и мировоззрение Льва Николаевича Толстого и Фёдора Михайловича Достоевского. Мережковский работал над своим трудом с 1898 по 1902 год. Публиковалась монография с 1900 по 1902 год в журнале С. П. Дягилева «Мир искусства», а после неоднократно выходила отдельными изданиями и публиковалась в собраниях сочинений Д. С. Мережковского. Вышедшее произведение, оригинальное по форме изложения материала и концепции творчества писателей, привлекло внимание современников.

В книге «Л. Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковский по-особенному подходит к раскрытию двух ярких личностей: Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. «...Лейтмотивы книги Мережковского, — как пишет Н. Г. Коптелова, — связаны с утверждением пушкинского истока творчества Толстого и Достоевского и идеей всемирного значения тех духовных открытий, которые совершила русская литература в девятнадцатом столетии» [3, 38].

Автор делит свою работу на вступление, три части, примечания и сокращения. Во вступлении читателю объясняется мотив объединения в книге представленных писателей. Первая часть, «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», включает восемь глав и описывает жизненные события, раскрывает ге-

роев через призму их произведений. Во второй части, которая называется «Творчество Л. Толстого и Достоевского», состоящей из 7 глав, дается анализ произведений писателей. Третья часть, «Религия», в свою очередь делится на два раздела. Однако, как отмечает Н. Г. Коптелова, «организация материала в книге Мережковского не вполне соответствует тому строгому распределению, которое обозначено в заглавиях частей: «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», «Творчество Л. Толстого и Достоевского», «Религия». На самом деле в каждой части критик то и дело нарушает строгую композиционную логику, им самим намеченную. В этих композиционных сдвигах подспудно «кристаллизуется» идея жизнотворчества, ставшая стержнем не только символизма, но и культуры Серебряного века в целом. В процессе исследования Мережковский часто не просто соотносит, но соединяет “жизнь”, “творчество”, “религию” в одно нерасторжимое целое, что само по себе принципиально и концептуально значимо» [3, 37].

Мережковский обращается к разным источникам, раскрывающим биографические данные Л. Н. Толстого: это как документальные материалы (дневники писателя, воспоминания современников, переписки, «Исповедь»), так и художественные произведения автора (например, трилогия «Детство, Отрочество, Юность», рассказы «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича», повесть «Казачи», роман «Война и мир»). Описывая жизнь Толстого, Мережковский, «по сути, создает миф личности писателя» [4, 157]. Прежде всего предметом исследования является не внешняя жизнь писателя, а ее духовная составляющая, которая оказалась наполнена противоречиями: несоответствие между «сознательной и бессознательной стороной его духовного развития» [5, 45]. Так, сознательная сторона «апеллирует к христианским ценностям», а в бессознательной, «природной» стороне автор видит «тайное язычество»: «языческую привязанность к земле, поклонение плоти» [4, 158].

Автор исследования достаточно большое внимание уделяет семейной жизни писателя, описывает эволюцию взаимоотношений супругов. «Жизнь-счастье» Толстого, таким образом, противопоставляется «жизни-страданию» Достоевского. Однако нельзя не отметить, что, «восхищаясь «главным счастьем» Толстого — Софьей Берс», автор «не замечает супружеского счастья Достоевского, сосредоточив все свое внимание на сложной материальной стороне жизни писателя в эти годы» и, одновременно с этим, описывая кризисный период жизни Толстого и Софьи Андреевны, нарушает идею о «жизни-счастье» графа [6, 45]. Мотив «жизни-счастья» прослеживается постоянно, автор исследования акцентирует на этом внимание читателя: «...в самом деле, если не внутри, то извне, это — самая счастливая человеческая жизнь в наше время» [5, 37].

В первой главе Мережковский отмечает, что поворотным моментом жизни Толстого были конец 70-х — начало 80-х годов, когда «с Л. Толстым произошел глубокий нравственный и религиозный переворот, который в корне изменил не только всю его личную жизнь, но и умственную, и писательскую деятельность, как бы переломил его существование на две половины: в первой он — только великий писатель, может быть, и великий человек, но все-таки человек от мира сего, с человеческими и даже русскими страстями, скорбями, сомнениями, слабостями; во второй — он выходит из всех условий исторического быта и культуры; одни говорят, что это христианский подвижник, другие — безбожник, третьи — фанатик, четвертые — мудрец, достигший высшего нравственного просветления, как Сократ, Будда, Конфуций, — основатель новой религии». Этому периоду отведено особое место. Описывая переломный этап жизни, исследователь цитирует слова самого Толстого, приводит воспоминания близких ему людей.

При чтении Мережковского обращает на себя внимание одно удивительное обстоятельство: жизнеописание Толстого представляется вполне законченным, не возникает ощущения незавершенности его пути. Такое ощущение возникает по одной причине: автор книги чудесным образом предсказал ту драму, которая разыгралась в доме великого писателя, а также и сам ее исход. И это получилось у Мережковского достаточно органично, благодаря тому способу изображения личности и жизни Толстого, который он избрал — включения фигуры своего героя во всемирно-исторический контекст. Как известно, большинство современников автора книги и ее исследователей склонны считать, что Мережковский отдает предпочтение Достоевскому в ущерб Толстому. Однако именно Толстой настоятельно и даже педантично встраивается в ряд сравнений цивилизационного порядка: «древние эллины и новый эллин, Гете», «царь Соломон», «отчаяние Эдипа... Сакья-Муни и царя Соломона» [5, 40], упоминается Будда [5, 41], Толстой воспринимается как «подобие в современной жизни древнебиблейских патриархов, Авраама, Исаака и Иакова» [5, 55]. И вот сравнение русского писателя с «христианскими подвижниками прошлых веков» выводит Мережковского на предсказание финала его жизни. Он пересказывает легенду о Франциске Ассизском, тот ее эпизод, когда отец святого подал на него жалобу, обвинив сына в том, что тот расточает имение. И тогда Франциск снял с себя одежду и объявил своим отцом Христа и «совершенно голым, каким вышел из утробы матери, <...> бросился» в его «объятия» [5, 57]. Аналогичным образом поступает «любимый русским народом угодник, Алексей, Божий человек, бежавший из родительского дома». Далее следует вывод: «Так и донныне поступают все русские под-

вижники, пожелавшие исполнить заповедь Христа: кто не покинет и дома, и полей, и детей во имя мое, тот не достоин Меня» [5, 57].

Не так ли поступает Толстой, сделавшийся «подвижником русского народа»? — вопрошает Мережковский. И ответ на этот вопрос читается современным писателем как уже свершившийся уход Толстого из Ясной Поляны, хотя этого ухода еще не было: «Он исполнил заповедь Христа: покинул и дом, и поля, и детей <...> Он сделался нищим, бездомным, роздал свое имение...» [5, 58]. Так что сам Мережковский вполне ответил на вопросы, заданные в финале жизнеописания Толстого: «Кому предсказывать будущность такого человека? <...> Как он будет умирать?» [5, 91].

Это включение Толстого во всемирно-исторический контекст и есть отличительная черта книги Мережковского, приносящая свои плоды и выделяющая ее среди других биографических построений.

На фоне сопоставления Толстого и Достоевского, постоянно проводимого Мережковским, обращает на себя внимание еще один факт. Как принято считать, автор эссе «устанавливает, в первую же голову, тесную органическую связь между личной жизнью писателя и его творчеством, проводя, таким образом, те соединяющие линии, те крепкие, хоть и невидимые, нити, что всегда существуют между конечной вершиной и конечным основанием: миропониманием и мироощущением». Но этот устоявшийся взгляд на книгу Мережковского все же нуждается в корректировке. Когда речь идет о Толстом, Мережковский без стеснения и оговорок приписывает мысли и чувства героев Толстого самому автору. С точки зрения Мережковского, «в литературе всех веков и народов едва ли найдется другой писатель, который обнажал бы самую частную, личную, иногда щекошливую сторону жизни своей с такою великодушною или беззастенчивою откровенностью, как Толстой», который «сказал нам о себе все, что только имел сказать, и мы о нем знаем все, что он сам знает о себе» [5, 19]. В первой же главе Мережковский отождествляет Николеньку Иртеньева с Львом Толстым, а далее продолжает в том же духе.

Когда речь идет об «Исповеди» автора-героя, это еще допустимо, но абсолютный перенос автора на его героя попросту некорректен. Это обстоятельство не останавливает Мережковского. Когда же речь заходит о Достоевском, ситуация кардинально меняется. Мережковский становится осторожным, говоря о подпольном человеке, о героях-сластолюбцах: «Но, повторяю, исследователь жизни Достоевского бродит здесь в потемках, ощупью. Нет ясных и точных свидетельств, на которые можно бы опереться. Только намеки» [5, 140]. Так что метод отождествления героя с автором работает лишь в отношении Толстого, и это тоже является отличительной чертой жизнеописания Толстого, составленного Мережковским.

Но одно очень важное обстоятельство объединяет фигуры обоих писателей — в концепции Мережковского они являются «предтечами... последнего пришествия <...> Почему они? Первый постиг до конца тайну плоти, второй — тайну духа; но в царстве Иоанна — оно и наступит после Второго Пришествия — “дух и плоть должны слиться воедино, из Двух делается Один: плоть станет святой, духовной”. Таково положение» [7]. Не случайно последнюю главу из раздела жизнеописания писателей автор заканчивает на том, что является для них общим. И это общее выражается в странной схожести их портретов: «Несмотря на всю противоположность этих лиц, они иногда кажутся странно схожими — не потому ли, что и у Достоевского такое же крестьянское, простонародное лицо, как у Л. Толстого?» [5, 150]. В портретах двух гениев Мережковский пытается разглядеть лицо русского народа: «Этого будущего... окончательно “благообразного”, окончательно русского и всемирного лица не должно ли искать именно здесь, между двумя величайшими современными русскими лицами — Л. Толстым и Достоевским?» [5, 152].

Оценивая с современных позиций труд Мережковского, можно согласиться с Г. Адамовичем, слова которого, сказанные в первой половине прошлого века, остаются по-прежнему актуальными: «Книга эта имела огромное значение, не исчерпанное еще и до сих пор. Она кое в чем схематична, — особенно в части, касающейся Толстого, — но в ней дан новый углубленный взгляд на «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых», взгляд, который позднее был распространен и разработан повсюду. Многие наши критики, да и вообще писатели, не вполне отдают себе отчет, в какой мере они обязаны Мережковскому тем, что кажется им их собственностью: перечитать старые книги бывает полезно» [1].

Воронежский государственный университет

Нагина К. А., доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Коратаева Н. В., преподаватель кафедры русского языка как иностранного ИМО

E-mail: nvkniازهva@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. — Режим доступа: https://mir-knig.com/read_192768-10 (дата обращения: 12.05.2021).
2. Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка. — Режим доступа: http://www.azlib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_0040.shtml (дата обращения: 5.04.2021).
3. Коптелова Н. Г. Творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского в интерпретации Д. С. Мережковского / Н. Г. Коптелова // Вестник ВГУ. — 2010. — № 1. — Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2010/01/2010-01-08.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).
4. Коптелова Н. Г. Апокалиптические мотивы в книге Д. С. Мережковского / Н. Г. Коптелова // Вестник УГУ. — 2014. — № 6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apokalipticheskie-motivy-v-kniged-s-merezhkovskogo-l-tolstoy-i-dostoevskiy> (дата обращения: 10.05.2021).
5. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений Дмитрия Сергеевича Мережковского: В 24 т. / Д. С. Мережковский. — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. — (Библиотека Русского слова). Т. 9–10: Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество. — 1914. — 152, 176 с.
6. Журавлева А. А. Антигега «Жизнь-счастье Толстого жизнь-страдание Достоевского» в работе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» / А. А. Журавлева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiteza-zhizn-schastie-tolstogo-zhizn-stradanie-dostoevskogo-v-rabote-d-s-merezhkovskogo-l-tolstoy-i-dostoevskiy> (дата обращения: 20.05.21).
7. Долинин А. Дмитрий Мережковский / А. Долинин. — Режим доступа: <http://merezkhkovskiy.lit-info.ru/merezkhkovskiy/kritika/dolinin-merezhkovskij/glava-iv.htm> (дата обращения: 15.04.21).

Voronezh State University

Nagina K. A., Doctor of Philology, Professor, Department of history and typology of Russian and foreign Literature

E-mail: k-nagina@yandex.ru

Korataeva N. V., Teacher of the Department of Russian as a foreign language, IMO

E-mail: nvkniازهva@yandex.ru